

Э. Ч. ХЬЮЗ*

ЛИЦЕНЗИЯ И МАНДАТ**

Аннотация: В этом классическом тексте по социологии занятий и профессий автор разрабатывает понятия лицензии и мандата — одни из важнейших понятий его подхода в этой области исследований. Рассматриваются вариации лицензий и мандатов, а также связей между ними. Анализ занятий с помощью этих понятий позволяет представить их в контексте морального разделения труда и инкорпорировать исследование занятий в изучение общества как такового.

Abstract: In this classical text in occupational sociology the author elaborates the concepts of licence and mandate, having paramount significance in his approach to this area of research. Various cases of licence and mandate and relations between them are considered. Analysis of occupations with the use of these concepts allows to present them in the context of moral division of labor and to incorporate the study of occupations into the study of society itself.

Ключевые слова: занятие, профессия, лицензия, мандат, моральное разделение труда, неудобное знание, норма и девиация.

Keywords: occupation, profession, licence, mandate, moral division of labor, guilty knowledge, norm and deviation.

Занятие состоит отчасти в успешном притязании некоторых людей на лицензию выполнять некоторые деятельности, которые другие выполнять не могут, и делать это в обмен на деньги, блага или услуги. Те, у кого есть такая лицензия, будут — если у них есть хотя бы какое-то чувство самосознания и солидарности, — претендовать также на мандат определять, как правильно должны вести себя другие по отношению к вещам, связанным с их работой. Лицензия может быть не более чем разрешением осуществлять некоторые узкотехнические деятельности, такие как установка электрооборудования, которые, как считается, опасно позволять делать обывателям. Однако она может включать и право проживать свою жизнь в стиле, несколько отличном от стиля большинства людей. Мандат может заходить не дальше успешного настаивания на том, чтобы другие люди отходили в сторону и предоставляли работникам немного свободного пространства, пока те делают свою работу. Он может, как в случае современного врача, включать успешное притязание на контроль и определение условий труда многих видов людей — в данном случае медсестер, технического персонала и многих других, вовлеченных в поддержание работы современного медицинского учреждения. В крайнем случае, например для духовенства в строго католических странах, он может включать право контролиро-

* Перевод публикуется в редакции переводчика.

** Перевод сделан по источнику: Hughes E.C. Licence and Mandate // Hughes E.C. *Men and Their Work*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1958. P. 78–87.

вать мысли и представления целых популяций в отношении едва ли не всех важных жизненных вопросов.

Лицензия как атрибут занятия обычно мыслится как правовой допуск к выполнению некоторого вида работы. Имеется обширный корпус правовых установлений, связанных с вопросом лицензирования, как общего характера, так и регулирующих его применение в различных занятиях. Я же имею в виду нечто более широкое и глубокое, нечто порой неявное и не имеющее четко очерченных границ. Ибо очень трудно определить границы лицензии на осуществление некоторого вида деятельности. То, о чем я говорю, есть основополагающий атрибут общества. Занятия здесь являют нам крайний и в высшей мере наглядный пример общего аспекта всех человеческих обществ. Ведь общество, по самой своей природе, состоит в дозволении и ожидании того, что какие-то люди будут делать вещи, другим людям не дозволенные и от других людей не ожидаемые. Все занятия — прежде всего те, которые считаются профессиями, и, возможно, занятия преступного мира — включают как часть самого их бытия лицензию отклоняться в какой-то мере от общих способов поведения. Кроме того, профессии — возможно, больше, чем другие виды занятий, — претендуют на правовой, моральный и интеллектуальный мандат. Обретая доступ в заколдованный круг коллег, практики не просто индивидуально реализуют лицензию делать то, чего другие не делают, но и коллективно берут на себя смелость говорить обществу, что хорошо и правильно для индивида и общества в целом в том или ином аспекте жизни. Они в сущности устанавливают сами термины, в которых люди могут думать о соответствующем аспекте жизни. Например, медицинская профессия не довольствуется просто определением терминов медицинской практики. Она также пытается определить для нас всех саму природу здоровья и болезни. Когда претензия группы на широкий мандат такого рода явно или неявно принимается как легитимная, возникает профессия.

Понимание природы и степени лицензии и мандата, их связей друг с другом и обстоятельств, при которых они расширяются или сужаются, есть ключевая область изучения не только занятий, но и самого общества. В таких лицензиях и мандатах мы обнаруживаем первейшее проявление *морального разделения труда*, т.е. процессов, посредством которых разные моральные функции распределяются между членами общества — между индивидами и между видами или категориями индивидов. Моральные функции отличаются друг от друга по роду и в степени. Некоторые люди ищут и обретают особую ответственность за определение ценностей и за установление и приведение в исполнение социальных санкций в каком-то аспекте жизни. Дифференциация моральных и социальных функций предполагает как разграничение областей социального поведения, так и аллокацию ответственности и власти над ними. Можно даже говорить о юрисдикционных спорах по поводу прав и обязанностей различных занятий и категорий людей в определении и поддержании правил поведения, относящихся к разным сторонам личной и общественной жизни.

На этих страницах я собираюсь проиллюстрировать некоторые из проблем лицензии и мандата, а также некоторые связи между ними.

Многие занятия не могут выполняться без неудобного (*guilty*) знания. Священник не может налагать епитимью, не становясь экспертом в грехе; иначе он не сможет отличить смертные грехи от простительных. Чтобы осуществлять свой мандат говорить людям, какие книги им можно читать, а какие нельзя, каких мыслей и пред-

ставлений они должны придерживаться, а каких должны избегать, он должен стать знатоком запретного, а не только правильного и священного. Только искусному богослову под силу измыслить опасно тонкие ереси; ведь Сатана по необходимости падший ангел. Мало кто из мирян обладает умудренностью, позволяющей выдумать оригинальные или очень соблазнительные ереси. Бедному священнику — по крайней мере в римской католической церкви — в рамках самого обмена, заключенного в его лицензии выслушивать исповеди и отпускать людям грехи и в его мандате говорить нам, что есть что в моральных и духовных вопросах, приходится постоянно убеждать мирянина в том, что он не поддается искушениям своего привилегированного положения; он надевает униформу, делающую его заметным человеком, и ведет целомудренную жизнь. Это компенсирующие девиации, или контрдевиации, от обычных способов одевания и жизни. Они, вероятно, не вызывали бы восхищение и, может быть, даже не встречали бы терпимого отношения, если бы практиковались людьми, не имеющими особых социальных функций, оправдывающих столь необычное поведение. Короче, священник имеет как интеллектуальный, так и нравственный люфт и, возможно, должен им обладать, чтобы осуществлять остальную часть своей лицензии и быть достойным своего великого мандата. Он несет на себе бремя неудобного знания.

Юрист, полицейский, врач, газетный репортер, ученый, дипломат, личный секретарь — все они должны иметь лицензию получать и, в какой-то степени, хранить в секрете некоторый род неудобного или, по крайней мере, потенциально смущающего и опасного знания. Оно может быть неудобным из-за того, что обыватель был бы обязан вынести это знание наружу, или из-за того, что утаивание его от публики или от правоохранительных органов компрометирует или может скомпрометировать цельную натуру человека, который им обладает и его утаивает. Таков случай полицейского, который поддерживает связи с преступным миром и не докладывает о некоторых проступках или преступлениях, о которых ему известно. Он может, конечно, защитить себя, сказав, что если он позволит мелкой рыбе уйти, то у него будет больше шансов поймать большую. Так же обстоит дело с дипломатом, у которого есть полезные друзья за рубежом. Большинство занятий держатся на некотором явном или неявном торге между практиком и индивидами, с которыми он работает, и между занятием в целом и обществом в целом по поводу получения, хранения и выдачи информации, собранной практиком в ходе работы. Лицензия на ведение этого торга составляет самую суть многих профессий. И это фундаментальная черта всего социального и морального разделения труда и, стало быть, самого социального и морального порядка.

Прототипом всякого неудобного знания является взгляд на вещи, отличный от взгляда большинства людей и, следовательно, потенциально шокирующий для обычного сознания. Каждое занятие должно смотреть на некоторый порядок событий, объектов и идей относительно. Они должны быть классифицированы. Чтобы быть классифицированными, они должны быть увидены сравнительно. Их поведение должно анализироваться и, по возможности, предсказываться. Должен развиваться подходящий технический язык, чтобы коллеги могли разговаривать об этих вещах между собой. Эта техническая — и, следовательно, относительная — установка должна быть принята по отношению к тем самым людям, которых практик обслуживает; ни одна профессия не может выполнять свою работу без лицензии говорить в шоки-

рующих терминах о своих клиентах и их проблемах. Иногда занятие должно принимать эту объективную, сравнительную установку в отношении вещей, которые другим людям очень дороги и являются для них объектом абсолютных ценностей и чувств. Я предполагаю, что максимума эта высшая лицензия будет достигать там, где люди, пользующиеся ею, стоя на страже ценных вещей, способны в силу своего положения причинить большой вред.

С лицензией мыслить относительно о дорогих вещах и абсолютных ценностях связана лицензия делать опасные вещи. Я говорю не об опасности, которой подвергаются верхолазы или экипаж подводной лодки; это опасность всего лишь для них самих. (Даже в этом случае есть некоторая склонность откупаться от этих людей лицензией вести себя несколько безрассудно, когда первый спускается вниз, а вторые выходят на берег.) Скорее речь здесь идет о лицензии врача резать и устанавливать дозировки, лицензии священника играть со спасением людей, лицензии ученого расщеплять атомы или просто об опасности того, что совет, данный человеку, окажется ошибочным или что сделанная работа окажется неудачной или причинит вред.

Такая лицензия, видимо, настолько же часто подозревается, насколько она универсальна в своих проявлениях. В сердцах многих обывателей горит огонек агрессивной подозрительности в отношении всех профессионалов, будь то водопроводчики или врачи. У некоторых он перерастает в ярость и фанатичный гнев. Есть рассерженые люди, пострадавшие или числящие себя пострадавшими от некомпетентных или беспечных профессионалов или считающие, что ими просто воспользовались, совершив над ними действия, направленные скорее на приращение знания, власти и дохода профессионала, чем на благополучие клиента. Многие антививисекционисты, согласно Хелен Макгилл Хьюз, — вовсе не люди, которые больше любят животных, а люди, которые меньше любят врачей, подозревая их в излишней любви к каким-то частям их работы (см. прим. 1). Временами такой гнев распространяется как массовая реакция.

В наши дни некоторые профессии стали привлекать специалистов по связям с общественностью, чтобы не просто ликвидировать более открытые проявления подозрительности и гнева по отношению к ним, но и полностью искоренить более глубокие и, возможно, более хронические чувства подозрительности обывателей по отношению к тем, кто располагает лицензией на выполнение услуг для них. Совершенно естественно, что в нашей культуре, какова она есть, профессионалов должно корчить то, что их не особенно любят; с другой стороны, попытка разрушить эту последнюю толику подозрительности может форсировать новую подозрительность — в отношении легитимности самого специалиста по связям с общественностью. Эта подозрительность в свою очередь может принести новые подозрения в отношении тех, кто привлекает специалистов по связям с общественностью для оказания влияния на установки общественности по отношению к ним.

Здесь кроется вся проблема природы сделки между теми, кто получает услугу, и теми, кто ее предоставляет, а также обстоятельств, при которых та или другая сторона ее опротестовывает. Еще более социологически значима проблема общего оспаривания лицензий или мандатов. Социальное недовольство часто проявляет себя именно в оспаривании прерогатив ведущих профессий. Во времена кризиса может возникать общее требование более полного соответствия профессионалов моделям мышления, дискурса и действия обывателя.

Одной из основных профессиональных девиаций сознания, или формой неудобного знания, является упомянутая выше объективная и относительная установка. Один из порядков относительности связан со временем; профессионал может видеть настоящее в более длительной перспективе, чем обыватель. Настоящее может быть для него более судьбоносным, поскольку видится как звено в причинной цепочке событий; последствия настоящего действия могут видеться ему более неизбежными, приходящими с течением времени. Чрезвычайность обстоятельств в этой перспективе может видеться профессионалу большей, чем обывателю. С другой стороны, она может выглядеть менее критической, поскольку профессионал видит настоящую ситуацию в сравнении с другими; она не уникальна. Поэтому чрезвычайность ситуации не столь велика, как может показаться эмоционально затронутому обывателю.

Что-то наподобие этого, видимо, стоит за нападками на Верховный суд, последовавшими за его недавними решениями по поводу гражданских прав, и на профессоров, настаивающих на свободе дискуссий по всем вопросам в наши времена холодной войны. Полагают, что они наигрывают правовые и академические ноты, в то время как коммунисты жгут город свободы. Теперь мы можем в любой момент ожидать схожих нападков на тех, кто преподает греческую поэзию и философию, в то время как спутники кружат в открытом космосе. Во времена кризиса беспристрастность выглядит самой опасной девиацией из всех возможных, девиацией, которую меньше всего можно терпеть. Профессиональный разум в таком случае предстает извращением здравого смысла, глаголющего о том, что настоятельно нужно, а что не очень то и нужно. Лицензия мыслить в более отдаленной перспективе может, таким образом, казаться опасной.

Поучительный пример дают нам воинствующие религиозные секты. Обычно они, по крайней мере в христианстве, состоят из людей, убежденных в том, что над всеми ними висит угроза проклятия. До тех пор пока они остаются воинствующими сектами, они пребывают в хроническом кризисе. Поэтому обычно они не терпят профессионального духовенства и всякой значительной дифференциации духовной функции. Они словно чувствуют, что профессионализация духовного, как и других функций, неизбежно несет с собой некоторую отстраненность, некоторую относительность установки, некоторую склонность сравнивать даже духовные вещи. В крупном обществе духовенство может быть в целом ревностнее большинства мирян, секту же можно буквально определить как религиозную группу, для которой верно противоположное. Вопреки инквизициям, профессиональное духовенство, вероятно, будет обычно более терпимым, чем наиболее ревностные из мирян. Хотя это, возможно, покажется парадоксальным, но можно всерьез спросить, при каких обстоятельствах верующие терпят профессиональное духовенство.

Типичное реформистское движение — это беспокойная попытка обывателей переопределить ценности или по крайней мере изменить природу и темп действия в связи с чем-то, над чем профессиональная группа или несколько занятий имеют мандат. Движение может просто подталкивать к более быстрым или решительным действиям там, где профессия движется медленно или не движется вообще; и оно может быть прямым нападением на доминирующую философию профессии, как в случае некоторых попыток изменить способ распределения медицинской помощи. Способность занятия отстаивать свою лицензию и поддерживать свой мандат, обстоятель-

ства, при которых они атакуются, утрачиваются или изменяются, — все это темы для исследования.

Такое исследование будет изучением политики в поистине основополагающем смысле изучения конституций. Ведь конституции — это фундаментальные отношения между действующими сословиями, образующими политическое тело. Некоторые занятия в нашем обществе относятся к группам, больше всего похожим на то, что некогда называлось сословиями. Хотя была политическая деятельность занятийных групп немало изучалась, этот предмет понимался несколько неверно вследствие стойкой фикции политической нейтральности в нашем обществе. Некоторая лицензия быть политически нейтральными ряду занятий, конечно, предоставлялась, но сами обстоятельства и пределы такой нейтральности подлежат изучению. Особое внимание следует уделять скрывающимся здесь обменам, тем обстоятельствам, частично уже упомянутым, при которых возникает отказ в лицензии, и способам, которыми она подрывается и извращается изнутри и извне. В одной из следующих глав будут представлены некоторые данные касательно политической нейтральности официальных статистиков — группы профессионалов, считающих себя особенно оторванными от политической борьбы.

На этих страницах я никоим образом не исчерпал рассмотрения всего множества вариаций лицензии и мандата и связей между ними. В нашем обществе школьные учителя как индивиды почти лишены лицензии думать то, чего не думают другие; при этом даже не предполагается, что у них будут появляться рискованные мысли, бытующие у других. Лицензия у них в этом отношении почти негативная, ведь во многих сообществах от них ожидается, что они будут вполне безобидным, хотя и не героическим, примером для молодежи. Их мандат, похоже, ограничивается определением проблем педагогики и сильно оспаривается даже в этом отношении.

Многие люди в наши дни приветствовали бы возвращение к какой-то прежней форме педагогики, превосходящей, на их взгляд, то, что стало ныне, по их мнению, преобладающим методом. Бесспорно, учительская профессия в нашей стране не преуспевает в завоевании мандата говорить, чему нужно учить детей. Образовательная политика отдается ей в руки очень неохотно. С другой стороны, в обращении с детьми учителя как бы по умолчанию обладают намного большей лицензией, чем людям мнится. Способность обывателей видеть, что происходит в профессиональной связи, затрагивающей дорогие им вещи и дорогих им людей, всегда несколько ограничена. Что-то подобное имел в виду Дюркгейм, говоря о непроницаемости профессий для внешнего взгляда и вмешательства (см. прим. 2).

Образовательная профессия также обладает некоторым мандатом по умолчанию вдобавок к тому, который ей удалось отвоевать действиями и пропагандой. В этом, как и в других вопросах, обывательская публика — в силу самого отсутствия у нее постоянной и информированной заботы об этих вещах — оставляет в руках профессионалов значительную часть определения философии, закона и действия в связи с жизненно важными интересами.

Понятия лицензии и мандата можно было бы приложить к изучению организованного преступного мира и социальной девиации в целом, а также к исследованию художников и шоуменов. Люди подпольного мира обладают значительной лицензией на отклонение от обычных норм поведения; по сути, они зарабатывают на жизнь, помогая respectable людям избегать этих норм. Но лицензия организованного

преступного мира никогда не признается вполне. Способ, которым эти люди находят своих глашатаев, и природа обменов между ними и более респектабельным миром часто обсуждались как патология политики. Полный цикл обменов, со всеми их импликациями, не анализировался с направленностью на познание чего-то фундаментального в самой природе социальных обменов и, следовательно, в природе самого общества.

Изучение лицензии художников и артистов также может принести немало знания о степенях конформности в обществе и последствиях попыток свести девиацию к чему-то вроде нуля. Ибо эти занятия, видимо, требуют — если хотят производить те самые вещи, за которых общество готово дать им немного денег на жизнь (а в некоторых случаях и неслыханное богатство), — чтобы хотя бы некоторые люди в них далеко отходили от норм, более или менее поддерживаемых и соблюдаемых другими. Их лицензия, однако, периодически попадает в опасность, и, видимо, нет никаких гарантий, что она не будет в любой момент атакована. С другой стороны, ее, видимо, никогда не отнимают постоянно.

Эти замечания о лицензии, мандате и моральном разделении труда — скорее введение в тему, чем полный анализ. Они подсказывают нам одно из направлений, в которых исследование занятий становится исследованием природы самого общества.

Примечания

1. Hughes H.M. The Compleat Anti-vivisectionist // The Scientific Monthly. 1947. Vol. LXV. N 6. P. 503-507.
2. Op. cit.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 07.09.2015